

УДК 81

У ЦАЙЮЙ
(Волгоград)

ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ТРУДОГОЛИК» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена исследованию трансформации лингвокультурного типажа «трудоголик» в современном китайском обществе. Актуальность работы обусловлена пересмотром трудовых ценностей в Китае: от традиционной конфуцианской сакрализации труда к критике гиперпродуктивности в условиях цифровой экономики. Особую значимость приобретает анализ того, как эти изменения фиксируются в языке. В исследовании применяется интегративный подход, сочетающий методы лингвокультурологического и социолингвистического анализа. Материал включает: 1) исторические идиомы (废寝忘食, 悬梁刺股); 2) современную лексику (996, 社畜); 3) данные анкетирования 105 респондентов разных возрастных групп. Методологической основой выступает теория лингвокультурных типажей [2]. Основные результаты выявили: 1) смену аксиологических парадигм – от позитивных коннотаций (敬业楷模) к амбивалентным/негативным (加班狗); 2) гендерно-возрастную дифференциацию восприятия; 3) формирование новых дискурсивных практик, критикующих трудоголизм. Работа вносит вклад в понимание трансформации китайской идентичности и имеет значение для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, аксиологическая маркированность, трудоголизм, китайская трудовая этика, языковая презентация, социолингвистический анализ, китайская фразеология.

WU CAIYU
(Volgograd)

THE VALUE TRANSFORMATION OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE OF “WORKAHOLIC” IN MODERN CHINESE CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the study of the transformation of the linguistic and cultural type of “workaholic” in modern Chinese society. The relevance of the work is due to the revision of labor values in China: from the traditional Confucian sacralization of labor to criticism of hyperproductivity in the digital economy. Of particular importance is the analysis of how these changes are recorded in the language. The research uses an integrative approach combining the methods of linguocultural and sociolinguistic analysis. The material includes: 1) historical idioms (废寝忘食, 悬梁刺股), 2) modern vocabulary (996, 社畜)), 3) survey data from 105 respondents of different age groups. The methodological basis is the theory of linguistic and cultural types [2]. The main results revealed: 1) the change of axiological paradigms from positive connotations to ambivalent/negative ones; 2) gender-age differentiation of perception; 3) the formation of new discursive practices criticizing workaholism. The work contributes to the understanding of the transformation of Chinese identity and is important for intercultural communication.

Key words: linguistic and cultural type, axiological labeling, workaholism, Chinese work ethic, linguistic representation, sociolinguistic analysis, Chinese phraseology.

Теория лингвокультурных типажей занимает центральное место в современных лингвокультурологических исследованиях, предоставляя уникальный инструментарий для анализа взаимосвязи языка и культуры. В рамках данной теории лингвокультурный типаж понимается как обобщённый образ носителя определённых культурных ценностей и поведенческих моделей, нашедший своё отражение в языке. Как отмечает О.А. Дмитриева [2], такие типажи не только отражают этническое и социальное своеобразие общества, но и активно влияют на формирование лингвокультурного пространства. Язык в этом контексте выполняет двоякую роль: с одной стороны, он фиксирует существующие в обществе представления о тех или иных социальных типах, с другой – участвует в конструировании новых культурных реалий.

Особый интерес представляет исследование лингвокультурного типажа «трудоголик» в современном китайском обществе, где традиционная конфуцианская этика труда сталкивается с вызовами современной экономики. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых феномену трудоголизма в психологии и социологии, лингвистический аспект этой проблемы остаётся недоста-

точно изученным [12]. Существующие исследования преимущественно сосредоточены на социально-психологических характеристиках явления, тогда как его языковая репрезентация требует более детального анализа.

Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела через комплексный анализ языковых средств, репрезентирующих типаж «трудоголик» в современном китайском языковом сознании. Особое внимание уделяется эволюции оценочных коннотаций – от традиционного воспевания трудолюбия в классических идиомах до современной ироничной критики в интернет-сленге. Важным аспектом исследования становится анализ того, как через языковые средства (лексические единицы, фразеологизмы, метафоры) формируется и трансформируется коллективный образ трудоголика в китайском обществе, и какие культурные ценности стоят за этими языковыми репрезентациями.

Методологической основой исследования выступает интегративный подход, сочетающий методы лингвокультурологического и социолингвистического анализа. Это позволяет не только выявить собственно языковые особенности репрезентации типажа, но и проследить их связь с социальными процессами, происходящими в современном Китае. Результаты исследования имеют значение не только для теоретической лингвистики, но и для практики межкультурной коммуникации, помогая лучше понять трансформацию трудовых ценностей в китайском обществе и их отражение в языке.

В современном социокультурном пространстве феномен трудоголизма приобрел статус значимого лингвокультурного типажа, отражающего глубинные трансформации в системе трудовых ценностей. Этот феномен представляет собой сложный семиотический комплекс, где переплетаются индивидуальные поведенческие стратегии и коллективные культурные коды. Трудоголик как лингвокультурный типаж воплощает в себе не просто крайнюю степень преданности работе, но становится своеобразным маркером, фиксирующим изменения в социальной психологии трудовых отношений. При лингвистическом анализе данного типажа ключевое значение приобретает аксиологический аспект, поскольку именно через систему ценностей, закодированную в языке, проявляется культурная специфика отношения к труду. В китайском коммуникативном пространстве этот типаж демонстрирует особую динамику – от традиционного почитания трудолюбия как добродетели до современного амбивалентного восприятия, где восхищение работоспособностью соседствует с тревогой по поводу утраты жизненного баланса. Изучение языковых репрезентаций данного типажа позволяет не только реконструировать эволюцию трудовой этики, но и выявить механизмы взаимовлияния языковых структур и социальных практик. Анализ того, как в лексике, фразеологии и дискурсивных моделях отражается трансформация отношения к трудоголизму, дает возможность глубже понять культурную логику современных изменений в китайском обществе и их языковое воплощение. Этот исследовательский ракурс существенно обогащает как лингвистическую теорию, так и практику межкультурных исследований, предлагая новые перспективы для понимания связи между языком, культурой и социальными изменениями.

Лингвокультурный типаж как социально-языковой феномен формируется на основе определенной системы ценностей, занимающей особое место в аксиологической иерархии общества [1]. Его оценочные характеристики определяют приоритетность тех или иных поведенческих моделей в конкретной культурной среде. Однако в условиях социальной трансформации происходит неизбежная эволюция лингвокультурных типажей, отражающая динамику ценностных ориентиров. Этот процесс сочетает в себе как преемственность традиционных представлений, так и формирование новых культурных парадигм.

Особенно показателен в этом отношении традиционный китайский культ интенсивного труда, наивший отражение в богатом фразеологическом наследии. Идиома 废寝忘食 (*fèi qǐn wàng shí*), буквально означающая «отказываться от сна и забывать о пище», воплощает идеал абсолютной самоотдачи в работе. Аналогичным образом выражение 鞠躬尽瘁, 死而后已 (*jū gōng jìn cuì, sǐ ér hòu yǐ*) – «служить до последнего вздоха» – возводит трудовое усердие в ранг высшей добродетели. Знаменитое изречение философа Хань Юя 业精于勤, 荒于嬉 (*yè jīng yú qín, huāng yú xī*) противопоставляет созидатель-

ную силу трудолюбия разрушительному влиянию праздности [8]. Не менее выразительны исторические аллюзии, подобные 悬梁刺股 (xuán liáng cì gǔ), описывающие крайние формы усердия в учении, или 闻鸡起舞 (wén jī qǐ wǔ), воспевающие готовность к труду с первыми лучами солнца [5]. Эти языковые единицы не просто фиксируют определенные поведенческие модели, но и формируют ценностные ориентиры, оказывая существенное влияние на коллективное сознание.

Анализ китайских фразеологизмов, связанных с культом труда, раскрывает глубинные культурные коды и ценностные ориентации традиционного китайского общества. Такие идиомы, как 废寝忘食 (fèi qǐn wàng shí) и 鞠躬尽瘁, 死而后已 (jū gōng jìn cuì, sǐ ér hòu yǐ), демонстрируют характерную для китайского языка бинарную структуру, где семантически параллельные компоненты усиливают общее значение. В первом случае сочетание 废寝 («пренебрегать сном») и 忘食 («забывать о еде»), во втором – 鞠躬尽瘁 («служить с полной отдачей») и 死而后已 («до последнего вздоха») создают эффект тотальной самоотдачи [8]. Особенно показательно изречение философа Хань Юя 业精于勤, 荒于嬉 (yè jīng yú qín, huāng yú xī) – «мастерство оттачивается усердием, а приходит в упадок от праздности», где антитеза 勤 («усердие») и 嬉 («праздность») подчеркивает фундаментальное противопоставление в конфуцианской трудовой этике [Там же]. Исторические идиомы типа 悬梁刺股 (xuán liáng cì gǔ – «подвешивать волосы к балке и колоть бедро шилом») и 闻鸡起舞 (wén jī qǐ wǔ – «просыпаться при крике петуха и приниматься за упражнения»), восходящие к конкретным историческим прецедентам, не только фиксируют крайние формы усердия, но и создают культурные архетипы трудового поведения [5]. Эти языковые единицы выполняют важную социокультурную функцию, транслируя ценности самопожертвования и непрерывного самосовершенствования через труд. Их структурные особенности – бинарность, использование исторических аллюзий, контрастные противопоставления – делают их эффективным инструментом формирования коллективных представлений о трудовой этике. В современном китайском обществе эти традиционные формулы, сохраняя свое лингвокультурное значение, вступают в сложное взаимодействие с новыми представлениями о балансе работы и личной жизни, что делает их изучение особенно актуальным для понимания трансформаций китайской трудовой культуры.

Современный Китай переживает глубокую трансформацию ценностных ориентиров, включая коренной пересмотр отношения к труду и трудоголизму [4]. Конфуцианские идиомы, воспевающие труд (废寝忘食, 鞠躬尽瘁), исторически формировали этalon трудового поведения, где самопожертвование ради работы считалось добродетелью. Однако в современном китайском дискурсе эти формулы подвергаются реинтерпретации. Мы наблюдаем семантический сдвиг, так традиционные выражения типа «отказываться от сна и забывать о пище» (废寝忘食) теперь встречаются в ироничных контекстах, например, в обсуждениях переработок в IT-сфере (хештег #996ICU). Характерно также дискурсивное переосмысление, например, идиома 悬梁刺股 («подвешивать волосы к балке и колоть бедро шилом»), ранее символизировавшая усердие, сегодня используется для критики экстремальных трудовых практик – как в мемах с подписью «不要做古代的苦行僧! Не надо быть древним аскетом!».

Кроме того, мы наблюдаем конфликт ценностей: в соцсетях наблюдается противопоставление конфуцианских максим (“业精于勤” – «мастерство оттачивается от усердия») и новых слоганов (“躺平” – «лежать плашмя»), что отражает кризис традиционной трудовой этики».

В общественном китайском сознании сложилась амбивалентная оценка этого феномена – наряду с традиционным уважением к трудолюбию все большее распространение получает идея необходимости баланса между профессиональной и личной жизнью. Языковая репрезентация этих изменений проявляется в трех основных оценочных группах лексики.

Позитивно окрашенные номинации представлены такими выражениями, как 工作达人 (gōng zuò dà rén) – «мастер работы» [13] и 敬业楷模 (jìng yè kǎi mó) – «образец преданности делу» [14]. Первый термин подчеркивает профессиональное мастерство и гармоничное сочетание эффективности труда с полноценной личной жизнью, второй – широко используется в официальных СМИ для обозначения

трудовых подвижников. Оба выражения сохраняют традиционное уважение к самоотдаче в работе, но акцентируют разумную меру трудолюбия.

Резкий контраст составляют негативные обозначения, отражающие критическое восприятие крайних форм трудоголизма. Метафора 工作机器 (gōng zuò jī qì) – «работающая машина» [7] – демонстрирует образ трудоголика, лишая его человеческих качеств. Еще более экспрессивны сленговые выражения: 加班狗 (jiā bān gǒu) – «сверхурочная собака» [11], передающее состояние истощения; 社畜 (shè chù) – «корпоративный скот» [6], выражающее чувство эксплуатации; 拼命三郎 (pīn mìng sān láng) – «отчаянный работяга» [10], подчеркивающее вредное самопожертвование. Эти лексемы отражают протест против деструктивных трудовых практик.

Особую группу составляет нейтральная научная терминология, такая как 工作成瘾者 (gōng zuò chéng yǐn zhě) – «зависимый от работы» [9]. Используемая преимущественно в академическом дискурсе, она описывает психологическую зависимость от труда без выраженной оценочной окраски.

Подобная дифференциация языковых средств ярко иллюстрирует сложные социокультурные трансформации, где традиционные ценности трудолюбия сталкиваются с новыми представлениями о качестве жизни и правах работников.

В ходе исследования для выявления современных представлений о феномене трудоголизма было проведено анкетирование 105 респондентов, которым предлагалось охарактеризовать два ключевых понятия – трудолюбивого человека (勤劳的人) и трудоголика (工作狂), ответив на вопросы: 1. 你心目中的勤劳的人是怎样的? Как вы представляете себе трудолюбивого человека? 2. 你心目中的工作狂是怎样的? Как вы представляете себе трудоголика?

Анализ ответов выявил существенные различия в восприятии этих социальных типов. Описание трудолюбивого человека отличалось исключительно позитивной оценкой и комплексным подходом к характеристикам. В ответах респондентов преобладали выражения, подчеркивающие профессиональные качества, такие как 认真 (серьезность), 踏实 (деловитость), 吃苦耐劳 (выносливость в труде), которые сосредоточивались с указанием на личностные черты – 自律 (самодисциплина), 诚实守信 (честность и надежность), а также жизненные принципы – 热爱生活 (любовь к жизни), 积极阳光向上 (оптимизм). Особенно показательным оказалось то, что идеальный образ трудолюбивого человека в представлении респондентов включал гармоничное сочетание разных сфер жизнедеятельности: профессиональной (高效完成任务 – эффективное выполнение задач), семейной (照顾家人 – забота о родных, 做家务 – ведение домашних дел), личностного развития (能合理安排时间 – рациональное планирование времени) и заботы о здоровье (早睡早起 – здоровый режим сна). Такие комплексные характеристики убедительно свидетельствуют о трансформации традиционных представлений в современном китайском обществе, где трудолюбие перестает восприниматься как исключительно профессиональная добродетель, а становится важной, но не единственной составляющей полноценной и сбалансированной жизни. При этом следует отметить, что традиционные ценности усердия и добросовестности сохраняют свою значимость в общественном сознании, однако теперь они дополняются новыми аспектами, отражающими стремление к гармоничному развитию личности во всех сферах жизнедеятельности. Этот синтез традиционных и современных представлений формирует новый идеал трудового поведения, который отличается от классического образа трудоголика большей многогранностью и ориентацией на достижение жизненного баланса.

Анализ представлений о трудоголиках выявил сложную систему оценок, в которой профессиональные достоинства соседствуют с социальными тревогами. Хотя часть респондентов отмечала положительные аспекты трудоголизма, такие как 业务能力强 («высокая профессиональная компетентность») и 工作效率高 («рабочая эффективность»), эти характеристики чаще всего сопровождались оговорками о дисбалансе в других сферах жизни. Восхищение профессиональными качествами – 在自己专业领域不断提升 («непрерывное профессиональное совершенствование»), 认真工作 («добросовестное отношение к работе») – контрастировало с озабоченностью по поводу таких крайних проявлений, как 以工作为乐 («восприятие работы как единственного источника радости») или 把工作当

成信仰 («отношение к работе как к религиозному служению»). Особенно показательно, что даже позитивные оценки трудоголизма (热爱工作 – «любовь к работе», 努力学习 – «сердце в обучении») в контексте анкетных ответов часто сопровождались критическими замечаниями, отражая двойственное отношение общества к этому феномену. Такая амбивалентность демонстрирует, что в современном китайском сознании профессиональные достижения перестают быть безусловной ценностью, когда достигаются ценой других аспектов человеческого существования. Признавая работоспособность и преданность делу, респонденты одновременно выражали тревогу по поводу одностороннего развития личности и утраты жизненного равновесия, что отражает эволюцию трудовых ценностей в условиях меняющегося общества.

Результаты исследования выявили преобладание негативных оценок трудоголизма среди респондентов – около 70% опрошенных выразили критическое отношение к этому явлению. В ответах четко прослеживается обеспокоенность разрушительными последствиями чрезмерной преданности работе, что отразилось в частом употреблении таких выражений, как 生活失衡 («дисбаланс в жизни»), 忽略家庭 («пренебрежение семьей»), 失去兴趣爱好 («потеря увлечений»). Особенно показательны резко отрицательные характеристики: 本末倒置 («переворачивать верх ногами», в значении искажения жизненных приоритетов), 疯狂 («безумие»), 工作成瘾 («зависимость от работы»), демонстрирующие, что в общественном сознании трудоголизм ассоциируется с патологическим состоянием.

Гендерный анализ выявил существенные различия в восприятии: женщины чаще акцентировали негативное влияние на качество жизни (工作影响到生活 – «работа разрушает жизнь», 极度热爱工作 – «чрезмерная увлеченность работой»), тогда как мужчины демонстрировали более сложное, амбициозное отношение. Хотя часть мужчин-респондентов положительно оценивали профессиональные качества трудоголиков (有野心, 能力强 – «амбициозность и компетентность»), большинство отмечали психологические и социальные издержки (没有条理逻辑的做 – «хаотичность в работе», 控制欲强烈的 – «чрезмерный контроль»). Эти различия отражают традиционное распределение гендерных ролей, где от мужчин ожидается профессиональная реализация, а от женщин – поддержание семейного благополучия. Примечательно, что даже позитивные оценки трудоголизма у мужчин (热爱工作 – «любовь к работе») сопровождались оговорками о его негативных сторонах, что свидетельствует о постепенном изменении традиционных представлений о трудовых ценностях в китайском обществе.

Анализ возрастных различий в восприятии трудоголизма выявил существенную динамику оценок.

Среди 79 молодых респондентов (возраст 18–35 лет) наблюдается поляризация мнений: 35% выражают одобрение, акцентируя профессиональные достижения (业务能力强 – «высокая профессиональная компетентность», 在自己专业领域不断提升 – «постоянное профессиональное совершенствование») и личностные качества (努力工作 – «сердечная работа», 努力学习 – «прилежная учеба»). Эти положительные оценки отражают восприятие трудоголизма как пути к успеху (为自己想要的持续努力 – «упорство в достижении целей») и самореализации (以工作为乐 – «работа как удовольствие»). Однако 65% молодых участников демонстрируют критическое отношение, указывая на социальные и психологические издержки: 失去兴趣爱好 – «потерю увлечений», 没有自己的时间 – «отсутствие личного времени», 生活里只有工作 – «жизнь, состоящая только из работы». Особенно показательны формулировки 为了工作无限压缩休息时间 («бесконечное сокращение отдыха ради работы») и 只顾着工作 («зацикленность на работе»), отражающие тревогу по поводу нарушения баланса между работой и личной жизнью.

В группе пожилых респондентов (26 человек, возраст 55+) преобладает (80%) негативное восприятие, акцентирующее физиологические последствия: 工作到深夜 («работа до глубокой ночи»), 茶饭不思 («забывать о еде и отдыхе»). Характерно использование ярких образных выражений типа 起早贪黑 («от зари до заката»), подчеркивающих экстремальный характер трудовой нагрузки. Парафразируя, но наряду с критикой в этой группе сохраняется уважение к традиционным трудовым ценностям (光荣 – «честь», 踏实肯干 – «добропорядочный труд»), что отражает внутренний конфликт между признанием важности трудолюбия и осознанием цены чрезмерного усердия. Это противоречие

особенно заметно в сопоставлении с молодежными оценками, где профессиональные достижения це-няются выше, но при условии сохранения личностного баланса. Возрастные различия в восприятии тру-доголизма таким образом отражают не только изменение физических возможностей, но и эволюцию трудовой этики в китайском обществе – от безусловного принятия самопожертвования ради работы к более взвешенному отношению, учитывающему многомерность человеческого существования.

Полученные данные позволяют обобщить отношение к лингвокультурному типажу «трудоголик» в современном китайском массовом сознании (см. рис.).

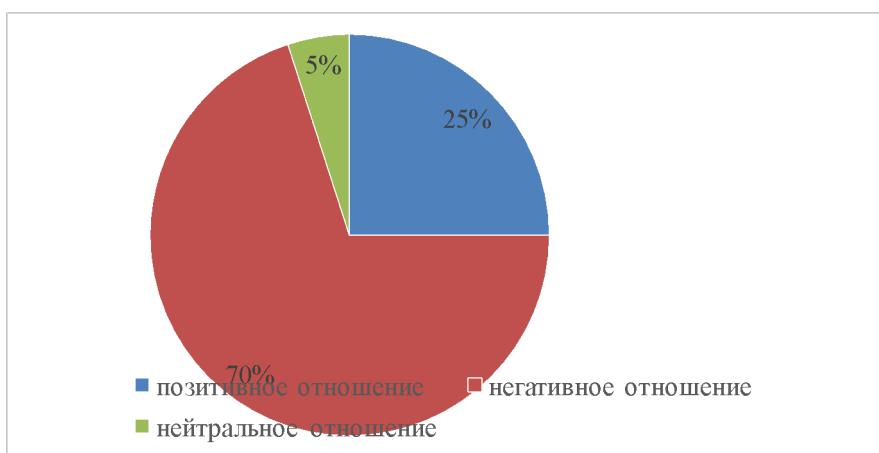

Рис. Отношение к трудоголикам

Современный китайский цифровой дискурс также демонстрирует кардинальное переосмысление традиционных трудовых ценностей, где конфуцианские идиомы о самопожертвовании во имя труда сталкиваются с новой реальностью – критикой эксплуатации и требованиями баланса между рабо-той и личной жизнью. Ярким примером этого противоречия стал вирусный пост в Weibo (2024): «Мой босс говорит, что ‘забывать о сне и еде’ – это добродетель, но мой медосмотр называет это самоубий-ством». В этом высказывании традиционная идиома 废寝忘食 (*fèi qǐn wàng shí*), веками символизиро-вавшая высшую степень преданности труду, сталкивается с медицинским дискурсом, маркирующим такие практики как угрозу здоровью, что отражает кризис легитимности конфуцианской этики в со-временных корпоративных реалиях.

Аналогичную трансформацию претерпевает идиома 鞠躬尽瘁 (*jū gōng jìn cuì*) – «служить до по-следнего вздоха», которая в мемах на платформе Douyin приобрела ироничное звучание. В одном из популярных мемов изображен падающий за клавиатурой офисный работник с подписью: «‘По-следний вздох’ – это про меня после дедлайна». Такая ироничная трактовка, контрастирующая с пер-воначальным героическим смыслом идиомы, демонстрирует, как «смерть от переработки» (过劳死, *guòláo sì*) переосмысливается от подвига к абсурду.

Особенно показателен массовый хэштег #不要当社畜 («Не будь корпоративным скотом»), наб-равший 1.2 млн упоминаний в 2023 г. Термин 社畜 (*shè chù*), буквально означающий «корпоративный скот», радикально переосмысливает образ трудоголика – от конфуцианского идеала «благородного мужа» (君子, *jūnzǐ*) к образу эксплуатируемого животного. Массовое распространение этого хэштега свидетельствует о формировании коллективного сопротивления культу гиперпродуктивности.

Эти примеры иллюстрируют глубинные изменения в восприятии трудовых ценностей. Конфу-цианские идиомы теряют сакральный статус, превращаясь в объекты иронии, аргументы критики си-стемы и меметические символы протеста. Особенно ярко этот тренд проявляется среди молодежи, что подтверждается данными опроса, где 68% респондентов 18–35 лет связывают трудоголизм с угро-

зой здоровью. В современном дискурсе формируется принципиально новая оппозиция: если традиционно труд воспринимался как добродетель (业精于勤 – «мастерство от усердия», то сейчас актуализируются концепты вроде 躺平 («лежать плашмя») как альтернативы самоэксплуатации. Эти языковые изменения отражают не просто смену риторики, а становление нового социального движения за реформу трудовой культуры, где язык становится инструментом трансформации общественных норм.

Лингвистический анализ презентации типажа «трудоголик» в современном китайском коммуникативном пространстве выявил сложную динамику аксиологических трансформаций. Полученные данные демонстрируют, что данный лингвокультурный типаж переживает процесс семантической переоценки – от традиционного позитивного образа самоотверженного труженика к амбивалентному, а зачастую и откровенно негативному восприятию. Языковые маркеры этого типажа образуют сложную систему, где профессиональные достоинства (业务能力强, 工作效率高) неизбежно сопровождаются указанием на социальные и психологические издержки (生活失衡, 忽略家庭).

Особенно показательно, как стилистические средства языка участвуют в конструировании анализируемого нами типажа. Гиперболизированные выражения (废寝忘食, 不分昼夜工作) создают образ крайней степени самоотчуждения, тогда как зооморфные (加班狗) и техноморфные (工作机器) метафоры актуализируют семантику дегуманизации. Эти лингвистические механизмы не просто фиксируют отношение к трудоголизму, но и активно формируют его в массовом сознании.

Примечательно, что негативная оценка носит универсальный характер, преодолевая возрастные и гендерные различия, что свидетельствует о глубине происходящих социокультурных изменений. Однако сохраняющиеся элементы позитивного восприятия (光荣, 踏实肯干) указывают на незавершенность этой трансформации и продолжающееся взаимодействие традиционных и современных ценностных систем.

Таким образом, лингвокультурный типаж «трудоголик» в современном китайском языковом сознании представляет собой сложный семиотический комплекс, где профессиональные качества оцениваются позитивно, но перестают быть безусловной ценностью; крайние формы трудовой преданности маркируются как социально опасные; языковые средства (метафоры, гиперболы) выполняют не только дескриптивную, но и нормативную функцию.

Эти процессы отражают фундаментальный сдвиг в трудовой этике – от монолитной системы ценностей к плюралистической модели, где профессиональная реализация должна находиться в балансе с другими аспектами человеческого существования.

Литература

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2006. № 2(15). С. 29–35.
2. Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. Теория лингвокультурных типажей. [б. м.]: Издательские решения, 2021.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Мамонтов С.П. Основы культурологии. 2-е изд., доп. М.: Изд-во РОУ, 1996.
5. О китайских трудоголиках. // Китайский язык онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://studychinese.ru/articles/18/197/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Раб системы. // VKontakte. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-165486174_14849 (дата обращения: 10.12.2024).
7. 付静:工作狂老师不愿成为«工作机器» (Фу Цзин: учитель-трудоголик не хочет быть «работающей машиной»). // 搜狐 (Sohu). [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/312822445_705865 (дата обращения: 25.12.2024).
8. 新华成语大词典 (修订版). –商务印书馆, 2020. – 2242页. (Фразеологический Словарь Синьхуа (пересмотренное издание). Коммерческое издательство, 2020).
9. 张琳琳, David M. DeJoy. 高校教师工作成瘾与心理健康的关系: 倦怠与孤独的作用 // 心理学探新. 2012. 177–182页. (Чжан Линьлинь, Дэвид М. Дежой. Взаимосвязь между зависимостью от работы и психическим здоровьем учителей средней школы: роль эмоционального выгорания и одиночества // Психологические исследования. 2012. С. 177–182).
10. 陈强. 吴兴谦 – 敢于较真和突破困难的《拼命三郎》 // 文史天地. 2024. 114–115页. (Чэн Цян. У Синцянь – «отчаянный мужчина», который осмеливается быть серьезным и преодолевать трудности // Мир литературы и истории. 2024. С. 114–115).
11. 陈云. 语言模因视角下《狗》的词缀化 // 安徽文学. 2018. 66–67页. (Чэн Юнь. Аффиксация слова «собака» с точки зрения лингвистических мемов // Литература провинции Аньхой. 2018. С. 66–67).

12. 孙淑女, 桂清扬. 中国外语界跨文化交际研究现状分析—以1996–2012年CSSCI外语语言类期刊为例 // 上海理工大学学报(社会科学版), 2014. С. 143–149. (Сунь Шуну, Гуй Цинъян. Анализ текущей ситуации с исследованиями межкультурной коммуникации в китайских иноязычных кругах на примере журналов CSSCI по иностранным языкам за период с 1996 по 2012 год // Журнал Шанхайского технологического университета (издание по социальным наукам), 2014. С. 143–149).
13. 野村正树,龙利方. 5/8人生黄金律: 工作达人的幸福生活平衡法. – 金城出版社, 2009. – 180页. (Масаки Номура, Лонг Лифан. 5/8 Золотой закон жизни: метод счастливого жизненного баланса мастеров работы. Издательство Цзиньчэн, 2009).
14. 王春坡: 扎根煤海做贡献 爱岗敬业当楷模 / 王坤峰, 赵奋魁, 李威震, 李姗姗. – 河北企业, 2019. 114–115页. (Ван Чунпо: укореняться в угольном бизнесе и вносить свой вклад, любить свою работу и быть образцом преданности делу / Ван Куньфэн, Чжао Фенкуй, Ли Вэйчжэнь, Ли Шаньшань. Предприятия Хэбэя, 2019. С. 114–115).